

А. А. ЗАЙНУЛЬДИНОВ (Тромсё / Санкт-Петербург)

Эмотивная оценочность лексики говоров Кольского полуострова

Русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных. Такая любовь к категорическим моральным суждениям, конечно же, является отголоском моральной и эмоциональной организации русской души.

Анна Вежбицкая

Интерес к изучению экспрессивной семантики русской лексики в прагмалингвистическом аспекте нашел свое отражение в ряде работ Л. А. Киселевой, Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, В. Н. Телия, Ю. Д. Апресяна и многих других. Гораздо в меньшей степени представлено описание экспрессивного фонда русских говоров, хотя и здесь следует отметить статьи Н. А. Лукьяновой, О. И. Блиновой, Т. В. Матвеевой. Обращение к исследованию лексической подсистемы говоров позволяет как уточнить некоторые теоретические положения, так и использовать данные концепции речевого воздействия в практике лексикографии.

В данной статье предлагается анализ семантических закономерностей формирования эмотивной оценочности лексических единиц (ЛЕ) говоров Кольского региона. Материалом исследования является корпус эмотивно-оценочных единиц, полученный в результате сплошной выборки из словаря И. С. Меркурьева (СМ) *Живая речь кольских говоров*. В качестве справочного материала, подтверждающего и уточняющего выделенные значения, привлекались данные *Толкового словаря живого великорусского языка* В. И. Даля (СД) и *Словаря русских народных говоров* (СРНГ), при необходимости для сравнения использовались также эмотивно-оценочные значения лексики литературного языка (ЛЯ).

Прежде чем обратиться к описанию практического материала, определим ряд теоретических положений, позволяющих как уточнить существующую терминологию, так и избежать недоразумений, вызванных отсутствием однозначного понимания семантики эмотивного воздействия в современной лингвистической литературе (см. в частности, библиографию в *Journal of Pragmatics*, 1986).

Не вызывает сомнения противопоставление номинативного компонента значения, ориентированного на информирование, и прагматического компонента, ориентированного на выражение эмотивной семантики, регуляцию поведения адресата (Киселева, 1972; Те-лия, 1985; Складаревская, 1993:174). Эмотивная оценочность, безусловно, относится к прагматическому компоненту значения.

В связи с этим представляется возможным структурирование языковой семантики как сочетания денотативного компонента значения (предметно-логического, включающего номинативно-оценочный вне отнесения к сфере эмоций) и прагматического (коннотативного). Выделенные компоненты в принципе следует признать равноправными, что отражает современные представления психологической школы, включая концепцию эмоционального мышления. При этом эмотивная оценочность по своему типу является оценочностью *de re* (прямой) в противопоставление оценочности типа *de dicto* (косвенной) (Вольф, 1985).

На основании разграничения языковой оценочности (узуальной, устойчивой, регулярно воспроизводимой в языковом сознании) и речевой оценочности (оказиональной), возникновение которой в контексте речи обусловлено потенциальными оценочными семами единиц номинативного плана, производился отбор ЛЕ с языковой оценочностью в рамках говора.

Очевидно, необходимо различать следующие категории: 1) экспрессивность как особая выделенность, 2) эмоциональность как отнесение к сфере эмоций человека, 3) эмотивная (эмоциональная) оценочность как выражения субъективного оценочного отношения, связанного с эмоциональным переживанием. В то же время существует родо-видовая взаимосвязанность по типу: экспрессивность > эмоциональность > эмотивная оценочность; все эмотивно-оценоч-

ные единицы экспрессивны и должны быть определенным образом маркированы.

Дифференцируются собственно-семантические эмотивные значения, обусловленные прагматическими интенциями субъекта оценки, и функционально-стилевая окраска, влияющая на эффект речевого воздействия косвенно (принадлежность к определенному экспрессивно-маркированному стилю речи: высокому, просторечному, книжному и т.п.). Принадлежность к говорам лишь подчеркивает, усиливает эмотивную оценочность, определяемую собственной семантикой ЛЕ.

Исходя из основных положений прагмалингвистики (теории речевого воздействия), а также опыта описания подсистемы эмотивной лексики ЛЯ (Зайнульдинов, 1987), могут быть выделены следующие критерии (маркеры), обуславливающие возникновение/наличие эмотивной (как разновидности экспрессивной) оценочности:

1. Собственно-семантические критерии

— Интенсивность выражаемого признака, её высокая степень, гиперболлизированность; ЛЕ типа *приединный* — 'Фольк. Лучший, единственный.' (СМ:124), *чикарный* — '1. Роскошный, очень хороший.' (СМ:177) (ср. в ЛЯ *изумительный, замечательный, уникальный*); — Метафорический перенос (при «живой» образности ЛЕ на синхронном уровне, за счет свежести языковых единиц, неожиданных ассоциаций с чувственно-наглядными представлениями, яркими визуальными, вкусовыми ощущениями); ЛЕ типа *пунда* — '2. Перен. Толстый, чрезмерно полный человек. ср. 1. Обшитый кожей камень, привязываемый в качестве груза к нижней верёвке рыболовной снасти.' (СМ:129), *кулема* — '2. Перен. О том, кто чем-либо напоми-нает. ср. 1. Ловушка на медведя из связанных чурбанов, подвешивается с наживкой на сук дерева.' (СМ:76), *притча, еретик, векша, ошукй, желна, пташа, ворон, крекаль, содом, собачливый*; — подчеркнутая затемненная мотивированность образной семантики, возникшая в результате утраты мотивированности значения образной структуры на синхронном уровне (ср. «парадоксальная внутренняя форма» (Матвеева, 1979)); ЛЕ типа *грязнопай* — 'О неопрятном, нечисто-плотном человеке.'

(СМ:36), *гмыза* — 'Тот, кто часто, без причины плачет, плакса.' (СМ:33), *дроля, маракуша, бухмарно, малан, капостун*.

2. Словообразовательно-семантические критерии

Экспрессивно-оценочные суффиксы (включая эмотивно-оценочные деминутивы); ЛЕ типа *беспелюха* — 'Неумелая женщина.' (СМ: 22), *косуха* — 'Та, которая злая, недружелюбная.' (СМ:73), *паря, весельшико, шанежка, квашиночка, злыдень, дракун, непоряха*. Последние маркеры могут сочетаться с метафорическими (на лексическом уровне) в ЛЕ типа *грибан* — 'Сердитый человек.' (СМ:36) — ср. '2. Угрюмый, вечно недовольный человек. Арх.' (СРНГ, 1972: 140), *кумушко, белушка*.

На основании прагмалингвистического описания лексической подсистемы оценочных значений (Зайнульдинов, 1997:79) выделяются 4 вида позитивной эмотивной оценочности: выражение ласкового отношения, выражение дружелюбного отношения, выражение одобрения и выражение восхищения; и, соответственно, 4 вида негативной эмотивной оценочности: выражение умеренного неодобрения, выражение сильного (крайнего) неодобрения, выражение пренебрежения и выражение презрения.

Анализируемый материал лексики кольских говоров покрывает не все выделенные эмотивно-оценочные зоны; он включает, в основном, выражения ласкового и дружелюбного отношения, а также неодобрения и пренебрежения.

К группе лексики, выражающей ласковое отношение как вид положительной эмотивной оценки, относятся ЛЕ с уменьшительно-ласкательными и ласкательными суффиксами и ЛЕ метафорического типа. Как для литературного языка, так и для северных говоров типичны случаи возникновения оценочной семантики на основе метафорических наименований любимых, возлюбленных (прежде всего по отношению к девушкам) (ср. в ЛЯ *кряля, ясочка, ясонька*): *дроля* — 'Любимый, любимая.' (СМ:41), *пташа* — 'Фолькл. 2. Та, кого любят, любимая, милая.' (СМ:129), *белушка* — 'ласк. Фолькл. О девушке. *Стань, белушка, стань, лапушка, стань, белая лебедушка*. (Песня). Кандалакша.' (СМ:21).

Особую небольшую группу представляют комбинированные случаи, при которых метафорическая оценочность осложняется экспрессивными префиксами, выполняющими роль интенсификаторов прагматической информации: ЛЕ типа *раздушечка* — 'Фолькл. Ласковое название милого (милой).' (СМ:131), *разлапушка*, *разлапуша* — 'Фолькл. Ласковое название любимой. *Да стал он девушки белья ручки ать, да стал рослапушкой называть.* (Песня). Порья.' (СМ:131). Префикс в данных примерах лишь усиливает оценочную семантику, выражаемую основой слова, не придавая ей эмотивно-оценочного значения (ср. *раскрасавушка* — 'Фолькл. Очень красивая женщина, раскрасавица.' (СМ:132) — с одной стороны, и *размужичье* — 'Женщина, своими поступками похожая на мужчину. *Ну ты, девушка, размужичье.* Кандалакша.' (СМ:131), *разрониха* — 'Тот, кто постоянно что-либо теряет, утрачивает что-либо.' (СМ:132) — с другой.)

Проблема дифференциации ласкательных и уменьшительно-ласкательных суффиксов осложнена многообразием словообразовательных возможностей говоривших. С моей точки зрения, языковая оценочная семантика выражения ласкового отношения не позволяет четко дифференцировать самостоятельное значение подобных суффиксов, скорее можно говорить о полевой структуре с ядром и периферией (суффиксы *-уша*, *-уся*, *-еньк*, *-оньк*, *-ушк*, *-ьшк*, выражающие ласковое отношение, с одной стороны, и суффиксы *-ек*, *-очек*, *-ичек*, *-ище*, *-ичк*, *-ик*, преимущественно выражающие уменьшительную семантику, с другой). Определяющей является интенция адресанта оценивания, детальное же описание специфики оценочных значений диминутивов требует специального исследования при обязательном учете значения основы (см. также Вежбицкая, 1996: 122, 136-137).

Принцип антропоцентризма, понимаемый не только как «выражающийся в соотносительности экспрессивов с человеком (сема 'лицо' отражена в номинативном базисе): существительные — характеристики субъекта, прилагательные — признаки субъекта, глаголы — действия, совершенные человеком, состояния субъекта» (Лукьянова, 1982:106), но и как отнесенность к миру человека в целом, определяет осознание в качестве ласкательных и уменьшительно-

ласкательных наименований предметов, самым непосредственным образом связанных с ежедневной жизнью крестьянина: предметов быта: *весельишко, гуселушко, дровца, заступочек, квашиночка, кузенка, получулочки, прутьишек, жемчужок, связточка, шанежка*; домашних животных, птиц: *kozyнька, коничек, конюшко, красулюшка* (о корове), *олешек, соловейко*; людей и родственников: *гостьюшко, девчонушко, ровнюша; тятенька кумушко, свесточка* (сестра жены); профессий: *ношалыщичек* (косильщик), *пивоварюша*; предметов и явлений окружающего мира: *рассветочки, дорожечка, озеришко, поженка* (покос), *слободушка, гуляныще*; реже — абстрактных понятий: *летико*.

Выражение дружелюбного отношения нашло свое отражение и в лексике говоров Кольского полуострова (ср. в ЛЯ единицы типа *друг, дружище, старина, брат, отец* в обращениях по отношению к незнакомым людям с целью вызвать дружелюбное расположение).

К таким единицам могут быть отнесены *кумушко* — 'ласк. Обращение к знакомому мужчине. *Пусти, кумушка, меня пожить!* (Сказка). Кузрека.' (СМ:77), *паря* — 'Ласковое обращение к парню, молодому мужчине. *У меня фсега есть, паря. Умба. Ой, паря, тот не Иван. Чаваньга.*' (СМ:108), *камрат* — 'Друг, товарищ. *У меня камрат хорошей — давненько так звали. У меня там камратов много есть. Захребетное.*' (СМ:62). Возможно также включение в эту подгруппу ЛЕ *братан, брателко*, но в словаре фиксируются примеры обращения только по отношению к родственникам.

Учитывая образную структуру внутренней формы ЛЕ, могут быть выделены образные семы компонентов первичной номинации, опирающиеся на подчеркнутое, выделенное, экспрессивно маркированное отклонение от нормы, что, в свою очередь, обуславливает характер эмотивной оценочности. Данная отнесенность в определенной степени отражает эмотивно-оценочные культурно-мифологические представления русских, зафиксированные в словесной форме.

Так, четко выделяются группы наименований птиц и животных, вторичные метафорические значения которых выражают неодобрение:

крокаль, крекаль — '2. Бран. О ленивом человеке. *Разверисся и крокалём выругаи.* Поной. ср. 1. Водоплавающая птица из семейства утиных.' (СМ:74), *ворон* — '2. Бран. Перен. Жадный, злой человек.' (СРНГ, 1970:111), *коковка, кулик, скопа, маракуша*;

ошкуй — 'Груб. 1. Непослушный человек. *Вот ошкуй, хоть ему говори, хоть столбу говори!* Поной. 2. Бран. Лодырь, ленивый человек. *Ошкуй — это лодырь, лентяй.* Федосеевка.' (СМ:106) — ср. '1. Белый медведь. 2. Бран. Об упрямом, непослушном человеке. Мурман. 3. Бран. О лентяе, лодыре. Мурман. // Прозвище неповоротливого, медлительного, ленивого человека. Арх.' (СРНГ, 1990:90);

векиа — 'Непоседливый человек. *Ой ты векиа, только бегаеш, непоседа така!* Порья.' (СМ:26) — ср. '1. Белка. 2. Сорока.' (СРНГ, 1969:105), *собачливый* — 'Привыкший браниться, ругаться.' (СМ: 147).

Специфическую группу оценочных единиц, выражающих пренебрежение, представляют собой ЛЕ, характеризующие принадлежность лица к определенной местности (как частный случай противопоставления свое-чужое, типа шутки, дразнилки): *рокан* — '2. Прозвище жителей Терского берега. *Рокана, рокана, у вас непарны рукава!* (Дразнилка) Варзуга. ср. 1. Непромокаемый рыбацкий костюм.' (СМ:135), *ваган* — '1. Выходец из Архангельской области. *Дроля-ваган надо мной ваганицца.* (Частушка). Захребетное 2. Приезжий человек. *За вагана выйду замуж — убежу, не буду жить.* (Частушка) Кузрека.' (СМ:25) (ср. *ваганить* — 'Неумело делать что-либо. *Гребут — ваганят.* Чапома.' (СМ:25), а также бранные прозвища *ваган-водохлёб, ваган кособрюхий* (СРНГ, 1969:9), *ворона* — 'Прозвище жителей деревни Чапома Мурманской области. *Чапomla — ворона.* Тетрино.' (СМ:29), *канёжник* — 'Прозвище жителя села Кандалакша' (СМ:69) (ср. 'канежки — обувь наподобие галош. (Былины Севера)' (СРНГ, 1978:250)), *Архангельский трескoед* — 'Шутливое название любителя трески. Кузрека' (СМ:162), *фараон* — 'Прозвище жителя села Варзуга. *Фараон — на колеснице, варзужанин — на поезднице* (Пословица.) Варзуга' (СМ:171) (ср. '2. Полицейский, городской.' (СД:1132)), *кулик, чирок, мешочник, песочник.*

Выбор признака, положенного в основу оценочного наименования, также обусловлен принципом антропоцентризма, при этом среди имен-характеристик человека безусловно больше негативных оценок, чем позитивных (Лукьянова, 1982:105). Отрицательно оцениваются ложь, хвастовство (в ряде ЛЕ эти значения сосуществуют) (*бах, бахтило, бахвал, бахвалить, башишь, бахтить, еретик*), болтовня, сплетни (*бредкий, варокосить 2, малан*), ругань, брань (*зубатка, варокосить 1, варокосливый*), драчливость (*дракун, забу-зить, кичковать*), злость (*злыдень*), жадность (*жадник*), обжорство (*избрюшник*), неумелость (*беспелоха, ваганить*), безделье (*валандай, крекаль, крокаль, безработник*), неряшливость (*грязно-пай, непоряха*), плаксивость (*гмыза*), непоседливость (*векиша, жи-галка*). Негативно могут оцениваться как медлительность (*копош-ливый*), так и торопливость (*защичка*).

Что касается суффиксальных образований с эмотивной оценочностью негативного плана, необходимо отметить тесную зависимость суффикса от основы слова при выражении оценочной семантики. Выделяются ЛЕ, оканчивающиеся на *-ан* (*братан, грибан, сухан*), *-ыши* (*закаленьши, обменьши, околдыши*) (экспрессивная семантика), на *-ко* (*брателко, проворко*) (позитивная семантика), на *-ха* (*беспелоха, разрониха, потеряха, непоряха, косуха*), *-ло* (*бахтило, махало*), *-ай* (*грязнопай, валандай*), *-ва* (*расшива, халыва*), *-а* (*резка, шинора*), *-ень* (*злыдень*) (негативная семантика).

Отмечено множество наименований частно-оценочной семантики, когда адресат, объект или ситуация оцениваются по одному признаку: ЛЕ типа *пакуль* — '3. Перен. Неодобр. О том, кто не умеет хорошо что-либо делать. *Вот пакуль настоящей!* Поной. ср. 1. Кулёк, пакет. 2. Снежный ком.' (СМ:107), *околдыши* — 'Бран. О непослушном, неумном. *Злы таки — вот околдышы и есь. Оны не унимающе. Умба.*' (СМ:101), *валандай* — 'Бездельник. *Ох ты валандай!* Поной.' (СМ:25), *расшива, росшива* — 'Женщина, ничего не умеющая делать. *Кака-то рошиыва — мастерица. Варзуга.*' (СМ:132) и другие.

В то же время четко прослеживается тенденция эмотивно-оценочных единиц к выражению общеоценочного значения с макси-

мальной расширенностью сферы действия признака (ср. «в экспрессивах денотативный компонент сильно 'смещен' коннотативными компонентами, благодаря чему создаётся семантическая диффузность (нечёткость, расплывчатость).» (Лукьянова, 1982: 102), что подтверждают примеры типа *баской* — '1. Красивый. *Была баска, цорноброва, а ума не было.* Кузрека. *Домик баской такой с улицы.* Варзуга. 2. Нарядный. *Некрасивой, да баской.* Оленица.' (СМ:20), *баско* (ср. 'Очень красиво, хорошо. Арх. // Ясно, безоблачно. 2. Бойко, быстро. 3. Дельно, удачно. 4. Вкусно. 5. Очень. Арх.' (СРНГ, 1966:132), *халява* — 'О неряхе, неопрятном, нечистоплотном человеке. *Хозяйка друга халява така, большэ нахалявит.* Териберка. *Ох, она халява, у ей грязно, неубрано!* Варзуга.' (СМ:172) — ср. 'Бран. // неряха, растрепа // вялый, сонный, ленивый и дряной // непотребная женщина // озорница, ругательница.' (СД:1164), *беспелюха* — 'Неумелая женщина.' (СМ:22) — ср. '1. Неумелая, бесхозяйственная женщина. 2. Неряха. 3. Бестолковый человек, разиня, рохля. // О человеке с какими-либо отрицательными качествами.' (СРНГ, 1966:271).

Указанная тенденция приводит к выделению отдельного бранного значения, часто с общеоценочным толкованием: *злыдень* — '2. Бранно. *У, злыдень! Опять новую рубаху порвал!* Варзуга. ср. 1. Злой, зловредный человек.' (СМ:57), *заугольник* — '2. Бранное прозвище. ср. 1. Внебрачный ребёнок.' (СМ:55), *маракуша* — 'Бран. Противный человек. *Глупой ты маракуша! Ой ты маракуша!* Кандалакша' (СМ:84) — ср. '2. О том, кто часто плачет, ноет, жалуется. Новг. 3. Тихоня. Арх. 5. пренебр. Неряха, неряшливый человек. Арх. 6. Хулиган. Новг.' (СРНГ, 1981:368).

Интересен случай возникновения оценочного междометия: *кумоха* — 'межд. Употребляется, когда что-либо неладно сделано. *Вот те кумоха!* Варзуга.' (СМ:76) — ср. '1. Лихорадка. 2. Нарыв, сопровождающийся лихорадкой. 3. Съшь, болячки на губах. 4. О беде, напасти, бедствии. Арх. 6. Бранно. Черт, лихо. Арх.' (СРНГ, 1980:85).

В заключение необходимо отметить, что, безусловно, в ряду эмоционально-экспрессивных средств диалектной речи особое место занимают ЛЕ, выражающие категорию усиления, увеличения (Лу-

кьянова, 1982:106), что легко подтверждают как синонимические ряды, так и словообразовательные варианты лексики, реализующие потенциальные возможности образования оценочных наименований в русском языке.

К особенностям использования эмотивно-оценочных ЛЕ в говорах Кольского полуострова следует отнести мягкость ругани, ЛЕ скорее выражают шутку и насмешливость при негативном оценивании. В связи с этим отсутствуют такие интенсивные виды эмотивной оценки, как презрение, крайнее неодобрение, восхищение; выражение одобрения сведено до минимума либо заменено выражением дружелюбного и ласкового отношения при превалировании последнего (ср. *маракуша* — '7. Шутливое бранное слово.' (СРНГ, 1981:368), *рокан* — '2. Прозвище жителей Терского берега. *Рокана, рокана, у вас непарны рукава!* (Дразнилка) Варзуга.' (СМ:135), *Архан-гельский трескост* — 'Шутливое название любителя трески. Куз-река' (СМ:162).

Несомненно, представляется перспективным составление словаря экспрессивов говоров русского языка (см. Лукьянова, 1982:107) с развернутой системной характеристикой экспрессивных лексико-графических помет. Безусловно, по-прежнему актуальна проблема, поставленная Х. Касаресом, о необходимости изучения того, какие духовные тенденции и социальные условия влияют на создание системы образов (Касарес, 1958, с.124-125) в оценочном аспекте, како-вы причины мотивировки выбора слова из ряда ему подобных для новых наименований на базе переноса (Блинова, 1984:12; *Человеческий фактор...*, 1991:123-127).

Библиография:

- Апресян, Ю. Д. 1988. Прагматическая информация для толкового словаря. *Прагматика и проблема интенциональности*. Москва. С. 7-44.
- Блинова, О. И. 1984. *Явления мотивации слов (лексикологический аспект)*. Томск.
- Вежбицкая, А. 1996. *Язык, культура, познание*. Москва.

- Вольф, Е. М. 1985. *Функциональная семантика оценки*. Москва.
- Зайнудинов, А. А. 1987. Лексика с положительной эмоциональной оценкой и ее описание в учебных целях. *Русский язык как иностранный: Методика проведения занятий*. Ленинград. С. 45-51.
- 1997. Образная семантика как основа эмотивно-оценочной отнесенности русской фразеологии (опыт прагмалингвистического анализа). *Nordlyd. Tromsø University Working Papers on Language & Linguistics*. № 25. С. 71-82.
- Journal of Pragmatics*, 1986, Vol. 10. № 5.
- Касарес, Х. 1958. *Введение в современную лексикографию*. Москва.
- Киселева, Л. А. 1972. *Вопросы теории речевого воздействия*. Ленинград.
- Лукьянова, Н. А. 1982. О некоторых аспектах изучения экспрессивно-выразительной лексики диалектного языка. *Лексика и фразеология русских говоров Сибири*. Новосибирск. С. 96-111.
- Матвеева, Т. В. 1979. Парадоксальная внутренняя форма слова (на материале диалектных глаголов). *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Вып. 8. Новосибирск. С. 117-123.
- Скляревская, Г. Н. 1993. Реальный и ирреальный мир толкового словаря (к вопросу о прагматическом компоненте слова). *Scando-Slavica*. Т. 39. С. 166-178.
- СМ = Меркурьев, И. С. 1979. *Живая речь кольских говоров*. Мурманск.
- СРНГ = *Словарь русских народных говоров*. Ленинград. 1965-.
- СД = Владимир Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*. С-Пб.-Москва. 1907.
- Телия, В. Н. 1985. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва.
- Человеческий фактор... (1991) = *Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности* (В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.). Москва.

Summary:**Emotional evaluation in the vocabulary of Kola Peninsula dialects**

This article aims at a description of the pragmatic semantics of vocabulary items (within the contemporary theory of pragmatics based on the works of A. Wierzbicka, L. A. Vygotsky, L. A. Kiseleva, V. N. Telija, etc). We argue the great importance of including emotional evaluative semantics in a lexicographic description.

The material used in the investigation is the stock vocabulary in *The living speech of Kola Peninsula dialects*, edited by I. S. Merkur'ev.

Special attention is paid to the structure of emotional evaluative vocabulary, which can be characterized by certain emotional evaluative markers, combining expressive (connotative) and descriptive semantics. The application of these separated markers (criteria) provides an opportunity to distinguish between certain types of emotional evaluation, and sort out different groups of lexical items, the primary semantics of which refer to certain images of mentality and define secondary emotional evaluations in pejorative and meliorative aspects.

The author shows that there exists a clear and obvious connection between cultural and mythological stereotypes, on the one hand, and an ability to express emotional evaluation by special meanings of items, on the other. This is supported by a number of examples and commentaries containing additional pragmatic and semantic analysis.

The author assumes that an increased tendency to develop proper evaluative semantics is characteristic of the formation and usage of the vocabulary of these dialects.

Address of the author: Andrej Zajnul'dinov, Tuchkov pereulok 3-50, 199053 Saint Petersburg, Russia.